

ПОЭТИЧЕСКИЙ ПОДКОРПУС НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА: НЕСКОЛЬКО ПРИМЕРОВ ПОИСКА СТИХОВЕДЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ¹

В состав Национального корпуса русского языка (<http://ruscorpora.ru>) с 2006 : входит подкорпус поэтических текстов, доступный, как и весь НКРЯ, в Интернете (<http://ruscorpora.ru/search-poetic.html>); подробному его описанию коллектив разработчиков НКРЯ с участием автора этих строк посвятил особую статью [Гришина и др. 2009]. В этой работе приведены и примеры использования корпуса для решения исследовательских задач (некоторые из них ниже упоминаются несколько подробнее): эволюция акцентных (*сча́слив* и *счастлѝв*), фонетических (*охлаждѣнный* и *охлаждѣнный*) и лексических (*хладный* и *холодный*) вариантов, ритмико-синтаксические клише в трехстопном амфибрахиях (*И странные, дикие звуки — И тихие, тихие звуки*), история деграмматизации рифмы на *-али*.

Объём корпуса в настоящее время составляет почти 7 миллионов слов, в него входят произведения нескольких сот авторов XVIII—XX вв. (в основном до 1930-х — 1950-х гг.), всего более 40 тысяч отдельных текстов и отрывков полнотекстовых произведений. В 2009—2011 гг. (то есть уже после выхода указанной выше статьи) в состав корпуса вошел большой объём поэтических текстов русского модернизма первой четверти XX в. Это обновление корпуса потребовало существенного обновления инвентаря представления информации о неклассических прежде всего тонических, метрах этой эпохи; кроме того, некоторой коррекцией подверглась и метаинформация корпуса.

В настоящей статье мы бы хотели обратить внимание читателя (как стиховед, так и лингвиста) на некоторые сюжеты, возникающие на пересечении различных типов информации, доступной в поэтическом корпусе.

1. Уровни разметки

Напомним, что весь НКРЯ (как поэтические, так и прозаические тексты) включает в себя следующие уровни разметки:

- Морфологическая информация (часть речи, морфологические значимые исходная форма). В поэтическом корпусе эта информация представлена пока без снятой грамматической омонимии, что связано с худшей надёжностью работы статистических механизмов в поэзии, где «нормой является»

¹ Статья написана при поддержке программы Президиума РАН «Корпусная лингвистика».

ся отсутствие нормы»; в дальнейшем эта ситуация будет скорректирована, как в сторону ручного снятия омонимии, так и в сторону пополнения словаря, особенно что касается языка XVIII в.

- Семантическая разметка лексики («глаголы движения», «прилагательные цвета» и т. п.)
- Метатекстовая разметка (автор, год рождения, пол автора, год создания, место публикации — так называемая «элементарная метатекстовая информация»)
- Поиск по знакам препинания и заглавным буквам. Следует предупредить, что «Библиотека поэта» — один из основных источников текстов НКРЯ — дает в значительной степени выправленную по нормам XX в. пунктуацию, так что эта информация может использоваться, прежде всего, как эффективное средство наложения синтаксических ограничений на морфологический запрос, а не как адекватное отражение авторской пунктуации.

Для поэтических текстов метаинформация (приписываемая тексту в целом) пополняется еще и следующими специфическими параметрами:

- Название, автор, год создания
- Точность даты. Этот параметр имеет значение «неточная», если дата написания текста не установлена достоверно, а является предположительной (в традиционной нотации, в частности, «Библиотеки поэта» — *1830?*) либо выводится из даты первой публикации (соответственно *<1830>*).
- Цикл
- Книга стихов
- Жанр (соответствующий эпохе — ода, дифирамб, элегия, послание...)
- Язык оригинала
- Автор оригинала
- Центральный для поэтического корпуса ряд помет связан собственно со всеми уровнями стиха. Подробную характеристику этого уровня разметки см. в указанной выше статье.
- Метр (С — силлабический стих; Я, Х, Д, Ан, Аф — пять размеров классической силлабо-тоники; Дк, Л, Тк, Ак, Вл — тонические размеры: дольник, логаяд, тактовик, акцентный стих, верлибр)
- Длина строки (3 — для постоянной длины строки, 3-стопной или 3-ударной; 4 + 3 — для разностопных размеров, «вольная» — для вольных размеров)
- Клаузула (м, жммж... — указывается минимальный период повтора окончаний)
- Строфика
- Рифмовка
- Формула (соединяет указания о метре, длине строки и клаузуле — Я4мж — 4-стопный ямб с чередующимися мужскими и женскими окончаниями)
- Дополнительные пометы (внутренняя рифма, цезурные нарушения, перебои...)

Поэтические тексты сопровождаются также некоторыми пометами, которые приписываются фрагментам текста. Такова, прежде всего, информация о границах строк, о метре отдельных строк (им приписывается метрическая формула по образцу того, что принято для текста в целом, например, < Я4ж) или < Д2ж ~ Д2ж) — с информацией о цезурных эффектах в конкретной строке, в данном случае 4-ст. дактиль с цезурными наращиваниями), о границе зоны рифмы (для текстов, где имеется рифмовка, — отрезок строки начиная с графического слова, попадающего в зону ударной константы, до конца строки). Сюда же относятся и сведения об иктах — сильных местах строки, несущих важную акцентную информацию.

Указанный список типов разметки не исчерпывающий. Так, планируется внедрение автоматического анализа ритмических форм и, возможно, также синтаксических связей [Пильщиков, Старостин 2009].

2. Гендер и маска: сочетание двух параметров, не специфических для поэтического корпуса

Данный пример является образцом поиска по информации, не специфической для поэтического корпуса. В запрос входит информация о поле автора (элементарная метаинформация) и текстовый элемент — сочетание местоимения 1-го лица я и глагола в прошедшем времени в мужском роде. Иными словами, это поиск текстов поэтов, писавших о себе от лица мужчины, — ситуация, обратная знаменитому *Когда поэт, описывая даму // Начнет: «Я шла по улице. В бока впился корсет...»* Саши Чёрного. Разумеется, такой запрос даст не все релевантные примеры, и он должен быть дополнен запросами с прилагательными в мужском роде, причем на разном расстоянии от подлежащего; кроме того, надо учитывать случаи прямой речи персонажей, не совпадающих с лирическим героем (в поэтическом корпусе предусмотрено расширение контекста до полного объема произведения). Однако уже такой предварительный запрос сразу показывает поэтов, у которых этот прием впервые встречается массово, — это предтечи символистов П. Соловьёва и М. Лохвицкая (как известно, он станет вполне обычным в период расцвета модернизма, от З. Гиппиус до М. Моравской). Особо стоит написанное на полвека раньше от лица мужского лирического «я» ироническое стихотворение К. Павловой «Везде и всюду». Причем для этого текста, как известно, характерна также экстравагантность и на уровне стиха — нагнетание экзотических рифм вроде *чалме — альмэ*, которое тоже воскреснет, причем всерьез, в поколении символистов. Этот пример демонстрирует взаимосвязь литературных и собственно стиховых приемов (в разных исторических контекстах).

3. П. С. Соловьёва (Алегро). В безумный месяц март [Плакуи-трава (1909)] (1905-1908) [омонимия не снята] Все примеры (2)

В безумный месяц март я родился на свет, И в этой жизни мне нигде покоя нет. [П. С. Соловьёва (Алегро). В безумный месяц март [Плакуи-трава (1909)] (1905-1908) [омонимия не снята] <----->
 — Любовь и смерть, — всегда единый мой ответ В безумный месяц март я родился на свет [П. С. Соловьёва (Алегро). В безумный месяц март [Плакуи-трава (1909)] (1905-1908) [омонимия не снята] <----->

4. П. С. Соловьёва (Алегро). Водоросль [Плакуи-трава (1909)] (1905-1908) [омонимия не снята] Все примеры (1)

Я рождён волной зелёной, Корнем к камню прикреплен. [П. С. Соловьёва (Алегро). Водоросль [Плакуи-трава (1909)] (1905-1908) [омонимия не снята] <----->

5. М. Лохвицкая. Под крестом (1905) [омонимия не снята] Все примеры (4)

Как судьба — мне страдание привнесла. И я проклял — её — как судьбу — Но с проклятым не свергну и муки и зла, Я о смерти молвил — и она умерла. [М. Лохвицкая. Под крестом (1905)] [омонимия не снята] <----->
 Ты в земле, ты — одна, ты забыта, как я, Для вражды, сожигающей нас! Я пришёл. Я проклялся как призрак ночной. [М. Лохвицкая. Под крестом (1905)] [омонимия не снята] <----->
 Я пришёл. Я проклялся как призрак ночной. Я забыл, я не ведал о том, — Что бессивен мой заступ пред волей иной, Что навеки её разлучили со мной, Что её оградили крестом! [М. Лохвицкая. Под крестом (1905)] [омонимия не снята] <----->
 Я забыл, я не ведал о том, — Что бессивен мой заступ пред волей иной, Что навеки её разлучили со мной, Что её оградили крестом! [М. Лохвицкая. Под крестом (1905)] [омонимия не снята] <----->

6. М. Лохвицкая. Отец Лоренцо (1901) [омонимия не снята] Все примеры (1)

Сестру Адела я навещал — и не забуду вас. [М. Лохвицкая. Отец Лоренцо (1901)] [омонимия не снята] <----->

Рис. 1. Часть поисковой выдачи по запросу «я + прошедшее время м. р.» у поэтесс

3. Перевод и метрика: сочетание двух параметров, специфических для поэтического корпуса

Разметка параметров «Язык перевода» и «Автор перевода», принятая в поэтическом подкорпусе НКРЯ для переводных текстов, несёт важную информацию об истории русского стиха. Метрический репертуар переводов из силлабо-тонической поэзии (английской или немецкой), где обильно представлены трехсложные метры, а позже и дольники, иной, чем из силлабической (французской или польской), где господствует условная передача этих размеров двусложными метрами, не говоря уже о переводах из античной или восточной метрики специфическими условными «размерами» и «строфикой подлинника». Переводы ряда конкретных поэтов (например, П.-Ж. Беранже или Г. Гейне) имеют в русской традиции определенные стиховые особенности (не обязательно восходящие к оригиналу). Все эти наблюдения, в принципе известные стиховедам, поддаются уточнению на конкретном материале.

На приведенной ниже иллюстрации виден список представленных в настоящее время в корпусе хорейских переводов с украинского, выполненных в XIX в., — начале XX в. Этот список представляет собой выделенный на основании параметров «метр текста — хорей» и «язык оригинала — украинский» подкорпус поэтического корпуса в составе НКРЯ. По этому подкорпусу возможен дальнейший поиск текстового материала (например, употребление лексических украинизмов вроде *хата* или *хлопец*), а возможен и просмотр полной метатекстовой информации по всем докумен-

там (каждому стихотворению соответствует «паспорт текста», в котором перечислены все значения всех размеченных параметров). Анализ полных текстов показывает, что за небольшими исключениями вошедшие в Корпус переводы с украинского «выравнивают» силлабический 8-сложник (коломыйковый стих) в правильный хорей.

1.	Ф. К. Салогуб. «Как умру я, стороните...» (1924.05.30) [омошмиши не снята]	
2.	А. Н. Плещеев. «И долину, и курганы...» [Песни, 1] (1860) [омошмиши не снята]	
3.	А. Н. Плещеев	А. Н. Плещеев
4.	А. Н. Плещеев	муж
5.	А. Н. Плещеев	1825
6.	Л. А. Мещеряков	«И долину, и курганы...»
7.	Л. А. Мещеряков	Песни, 1
8.	Л. А. Мещеряков	1860
9.	Л. А. Мещеряков	Т. Шевченко
10.	Л. А. Мещеряков	украинской
Страницы: 1	Сфера функционирования	художественная
Сфера	Жанр художественной литературы	стихотворение, песня, цикл, перевод
Сфера	Предложений	8
Сфера	Словоформ	49
Сфера	Метр	X
Сфера	Длина строки	4
Сфера	Классификация	регулярная, ям
Сфера	Метрическая формула	X4ям
Сфера	Рифма	четная, хвост
Сфера	Создан	существлен системой Яндекс Server
Сфера	Создан	..

Рис. 2. Список хорейческих переводов с украинского и «паспорт текста»

4. «И так было мне любо было»: разметка сильных мест стиха

Как известно, расстановка сильных долей в стихе может косвенно свидетельствовать о современных автору акцентологических нормах. Именно поэтому исследователи русского ударения в этих целях широко используют материалы, предоставляемые русской поэзией (это фактически основная область, в которой показания поэтических текстов давно и систематически привлекаются в лингвистике; из недавних работ ср., например, фундаментальный словарь [Еськова 2008]). Поэтический корпус дает возможность заниматься этой проблемой, минимизируя затрачиваемые усилия.

Приведем пример такого использования поэтического корпуса.

Известно, что в древне- и среднерусский период элемент *был-* в составе плюсквамперфекта (*ходитьь былъ*) приобрел энклитический статус (хотя, по-видимому, не вполне последовательно) и подчинялся закону Вакернагеля, причем в известной мере соответствующие механизмы действуют и в современном языке для частицы *было*, являющейся преемницей древнерусской формы [Зализняк 2008: 39—40]. При исследовании частицы *было* в XVIII в. (этой теме специально посвящена наша

статья [Сичинава 2012]) весьма полезен тот факт, что ее энклитический статус хорошо прослеживается в появившейся в этом веке силлабо-тонической поэзии. В строках двусложных размеров слог *бы* в ряде случаев попадает на слабое место, а *ло* — на сильное. Это может свидетельствовать о безударности обоих слогов, аналогично тому, как в русской поэзии всех веков эта словоформа располагается в заведомо энклитической позиции: *не́ было, ни́ было*. При этом необходимо учитывать, что в XVIII в. словоформа *было* изредка выступает в такой позиции стиха не только как частица, но и в качестве формы глагола *быть*, поэтому у соответствующих авторов нельзя исключать как ранней энклитизации связки, так и просто ударения на *-о*, как в ряде русских говоров, а также украинском и белорусском (так, *было́* встретилось в позиции рифмы у украинца В. Капниста; возможно, сюда же и строка 3-ст. амфибрахия *Тебе не было бы того же* у А. К. Толстого — если это не двухударная строка с пропуском ударения на средней стопе и длинным комплексом энклитик).

Поэтому показательны случаи, когда у одного и того же автора частица и глагол *было* акцентуированы по-разному. Особенно интересен в разных отношениях замечательный пример из Н. Львова:

Меня было ошаломило...
 Ударясь в стену головой
 И став, как надобно, шальной,
 Какой-то скользкою тропой
 Я шел и долом и горой;
 И так было мне любо было
 В чаду, в тумане колесить!
 (Фортуна (Эпистола к А. М. Бакунину, 1) (1797))

Помимо характерных для XVIII в. и не свойственных современному языку употреблений в нашей конструкции связки *быть* и безличного глагола *ошаломить*, в этом пассаже имеется прямое акцентологическое противопоставление безударной клитики *было* (дважды) и полноударной словоформы *было* (в позиции ударной константы в рифме). Кроме этого стихотворения Львова, безударное *было* в составе такой конструкции, противопоставленное ударному (не считая конструкции *чуть было не*, где *было* также не акцентуируется), отмечено у В. Рубана, А. Ржевского, М. Муравьёва, дважды у И. Хемницера, трижды в «Елисе» В. Майкова. Дополнительный анализ по материалам поэтических текстов дальнейшего периода демонстрирует аналогичное распределение и у большинства авторов первых двух третей XIX в., у которых встречается безударное *было* не после отрицания (В. Жуковского, А. Пушкина, Н. Языкова, Е. Баратынского, Н. Берга, И. Никитина, А. Майкова). Так же ведет себя редкое встречающееся в литературном языке вводное *было*, синонимичное *бывало* (несколько раз в «Лесе» А. Кольцова). В то же время в XIX в. это распределение у ряда авторов сопровождается все учащающимися случаями безударности связки *было* при предикативах и кратких формах типа *надобно, ка-*

ково, вольно́, решено (И. Крылов, П. Вяземский, И. Мятлев, Н. Некрасов); все они существуют и в современном языке, ср. *на́до было, хорошо́ было, должно́ было*.

С другой стороны, в материале поэтического корпуса обращает на себя внимание необычный для XVIII в. пример *было* в начале синтагматической строки после enjambement, при том, что и семантически контекст для конструкции весьма необычен (значение 'предшествование в прошедшем', не характерное для восточнославянского плюсквамперфекта):

Прибыл я в город ваш в день некий знаменитый;
Пришел к воротам, нашел, что спит как убитый
Мужик с ружьем, который, как потом проведаль,
Поставлен был вход стеречь; еще не обедал
Было народ, и солнце полкруга небесна
Не пробегло, а почти уж улица тесна
Была от лежащих тел.
(А. Кантемир. Сатира V. На человеческие злонравия вообще.
Сатир и Перьерг (1731—1743))

О возможных путях трактовки этого нестандартного примера см. [Сичинава 2012].

Поэтический корпус не только удостоверяет энклитический статус частицы *было* в составе конструкции, восходящей к плюсквамперфекту, но и позволяет исследователю обнаружить еще одну функцию словоформы *было*, в которой она тоже регулярно с раннего времени выступает как энклитика. Это *было* в составе конструкции долженствования с инфинитивом и дательным падежом субъекта: *Мне петь было о Трое* (М. Ломоносов), *Ах! Беречь было монету Белую на черный день!* (Г. Державин). Действительно, семантика этих двух конструкций обнаруживает определенное сходство, а ряд словарей так или иначе их объединяет; формальная же их близость в ранний период — энклитизация *было* — насколько нам известно, не отмечалась². Безударное *было* в составе инфинитивной конструкции (преимущественно с отрицанием) сохраняется и позже: ср. *Молока было не пить* у И. Анненского, *И не слезть было с горы* в «Фазтонщике» О. Манделъштама (1931), оно естественно и в современном языке.

Другие примеры использования Корпуса для нужд акцентологии изложены в работах [Гришина и др. 2009, Корчагин 2008]. Так, в первой из этих работ ана-

² Еще одно доказательство одинакового просодического статуса этих двух *было* в XVIII в. извлекается из прозаического текста, ориентированного на воспроизведение проstonародных речевых масок средствами орфографии — комической оперы «Мельник, колдун, обманщик и сват» А. О. Аблесимова, где в обеих этих функциях данная словоформа записывается как *бола* (в остальных контекстах — *было*). Подробнее об этом варианте, известном и из других источников, см. [Сичинава 2012]; сейчас же нам важно, что по целому ряду параметров показания поэтического корпуса являются гораздо более массовыми и систематическими, чем прозаических текстов.

лизируется переход от системы с одинаковым (исторически инновативным, ср. [Зализняк 1985]) ударением полной и краткой формы *счастли́вый* — *счастли́в* к современной системе, где эти формы акцентологически расподоблены, а для краткой формы сохранено (восстановлено) исторически первоначальное ударение на корне: *счастли́вый* — *сча́стлив*.

5. С чем рифмуется *парус*: разметка зоны рифмовки

Разметка зоны рифмовки позволяет искать как классы слов в рифменной позиции, так и конкретные лексемы. При помощи такого поиска обнаруживаются не только индивидуальные рифменные предпочтения (или их отсутствие) отдельных слов, но и вероятные текстуальные переклички.

Например, можно задать такое популярное в романтической и последующей поэзии слово, как *парус* (словоформа именительного/винительного падежа единственного числа). Материал корпуса сразу показывает, что эта форма (в отличие от наделенных продуктивными окончаниями словоформ множественного числа: *паруса́*, *парусов* и т. п.) устойчиво вошла в круг концевых созвучий фактически только в поэзии XX в., а в XIX в. если и рифмовалась, то с большим трудом. Красноречив тот факт, что в 2 случаях из 3, где слово *парус* встретилось на ударной константе в рифмованных текстах XIX в. (у А. Майкова и К. Случевского), оно приходится на холостой стих. Созвучие в этих стихотворениях охватывает только четные стихи (оба раза 4-стопный хорей ХаХа). Причём один раз на аналогичную позицию в другой холостой строке того же четверостишия попало совсем «безнадежное» в этом смысле слово, экзотизм с редким фонетическим исходом *клефты*. В другой раз в «паре» с *парус* выступает словоформа *грудью*, история которой не менее интересна: в XIX в. она рифмовалась (в основном с *правосудью*) в гражданской и сатирической поэзии, от К. Рылеева до Ал. Жемчужникова, а у лириков Я. Полонского и Л. Мея выступает в таких же точно холостых строчках на фоне четной рифмовки, финальная часть которых, таким образом, служила «резервуаром» для плохо рифмующихся (вообще или в данном жанре) слов. Данное употребление словоформы *парус* не исчезло и в XX в.; точно так же, как Майков и Случевский, использует ее М. Кузмин в стихотворении Х4 с четной рифмовкой «София» (1917).

Когда слово *парус* начинает рифмоваться, оно вступает в несколько типов созвучий, вообще характерных для техники Серебряного века и последующих эпох: точная грамматическая рифма с редкими в поэзии нарицательными существительными (в хронологическом порядке появления: слово *ярус*, использованное еще у Майкова, в XX в. эту рифму использовали В. Брюсов, дважды Ан. Ладинский и И. Сельвинский; *стеклярус*, встречается у Брюсова, А. Белого трижды, М. Волошина дважды, Н. Гумилёва, В. Нарбута, М. Кузмина; *гарус*, о котором см. ниже), неточная рифма (*чинару* у Вяч. Иванова, *старость* у Б. Пастернака, М. Цветаевой, Е. Дмитриевой, *ярость* у Пастернака, О. Мандельштама дважды, И. Уткина, *запа-*

рять у Сельвинского, даже опережающая эпоху «корневая рифма» *парня* у М. Светлова), наконец, неточная рифма в сочетании с экзотизмом, оба раза греческим (название острова *Парос* у Волошина и *фарос* ‘маяк’ у Кузмина)³. Характерно, что оба вхождения словоформы *гарус* и 10 из 12 вхождений словоформы *стеклярус*, встретившиеся в поэтическом корпусе, потребовались авторам именно как рифма к слову *парус*, и только слово *ярус* в сопоставимом числе случаев употребляется иначе (в рифме с *парус* — 7 раз из 13). При этом обе рифмы *гарус*—*парус* останавливают на себе внимание: и Ин. Анненский в одном из последних стихотворений 1909 г., и И. Бунин в 1915 г. изображают в строках с такой редкой рифмой сидящих на солнце мужа и жену. Известно, как блестящий завершитель традиций «старой школы» относился к «декадентам» (правда, в поздний период он явно преувеличивал антагонизм между ними и собой). Тем не менее, случайность, как нам кажется, тут мало вероятна, и, сознательно или подсознательно, прозаические петербургские дачники Анненского все же отразились в ярких ориентальных судовладельцах Бунина.

волнами видно, Рыбачье судно ладит парус, И прямо в небо из
южной синевой И подожженный солнцем парус,
ветер, сердца ярость Раздувает скромный парус,

И только белый парус На море голубом...
вонзала киль, Распластывая облако, как парус, В миротворенья послужную быль.
Как прекрасный трагический парус, Черный плащ за плечами шумит
Отплыть ждали здесь, пока крепили парус,

солица заход Сломаны весла, сорванный парус, Огненный водоворот. Это — судьбою нам
Мне робкой рукой не натягивать парус, Веслом не взмахнуть, не кружить
волохатая душа Распирала верблюжку, как парус,

Ветер вел его, наполнив парус Крепостью упрямую, как груди Женщины
Горный ветер вольется в крулый парус Зыбь прибрежная в корму ударит
проливы лет Бежит серебряным воспоминаньем парус,

смагрод моря Возносится аврорной пыли парус И мечет луч, с мечами
забуду я хлеб-соли. Как поставлю парус,

сяду чинару — Сонной мечтой убегающий парус В мир провожать, в розовеющий
И шафранно-алый парус Я поставила по ветру, У
Бьется пальто, как парус, Меж жудыми ходульками ног
Он глядит на белый парус Да читает суры вслух, А
В ненастья натянутый парус Чертежной щетиною ста готовален Врезался

Рис. 3. *Парус* в позиции рифмы

Может быть, не случайно и то, что словоформа *парус* в рифменной позиции неоднократно сочетается с 4-стопным хореем (7 раз в нашем корпусе, от Майкова до переводной «Нины из Соренто» Мандельштама), хотя этот размер и весьма распространен сам по себе. Хорошо известна определенная «экзотическая» окраска 4-ст. хорая, не столь яркая, как у Х5 того же Майкова, но заметная еще у Пушкина [Гаспаров 1999: 192—216]; в обсуждаемых стихотворениях *парус* нередко появля-

³ За пределами охваченного корпусом хронологического периода встречаются и ставшие возможными позже еще менее точные созвучия, например, организующее рефрен *парус* — *каюсь* у В. Высоцкого.

ется на фоне южного (черно- и средиземноморского) морского пейзажа, с конкретным местным колоритом. Кроме того, как уже говорилось, именно этим размером написаны все три стихотворения с неполной рифмовкой, где словоформа *парус* находится в конце холостого стиха, чему удивляться совершенно не приходится: ведь наиболее разработанным метром, где рифмовка четных строк была канонизирована, стал именно Х4, по образцу Гейне и переводов из него (к этой традиции отчетливо отсылают «Песни из уголка» Случевского, где плавание аллегорическое).

В статьях [Гришина и др. 2009] и [Сичинава 2010] разбираются и другие примеры использования разметки зоны рифмовки для поиска. Один из этих примеров — имеющее значение для истории русского произношения распределение вариантов причастия с *-енный/-ённый* и *-ен/-ён*; выясняется, что поэзия XIX в. предпочитает [e] в полных причастиях, но [’o] в кратких (*бесценный* — *охлажденный*, но *занесён* — *сон*). Другой пример — деграмматизация женской рифмы на *-али*: переход от характерных для XVIII в. грамматических пар типа замечали — удержали к межчастеречным рифмам, нередко с нарушением графической точности и «иканьем», типа *ругали* — *бокале* (аналогичное подробное исследование для мужской рифмы на *-ой* изложено в [Гаспаров, Скулачёва 2004: 91—106]).

ЛИТЕРАТУРА

- Гаспаров 1999 — *Гаспаров М. Л.* Метр и смысл. М.: РГГУ, 1999.
- Гаспаров, Скулачёва 2004 — *Гаспаров М. Л., Скулачёва Т. В.* Статьи о лингвистике стиха. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Гришина и др. 2009 — *Гришина Е. В., Корчагин К. М., Плунгян В. А., Сичинава Д. В.* Поэтический корпус в рамках НКРЯ: общая структура и перспективы использования // Национальный корпус русского языка. 2006—2008. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 71—113. (<http://ruscorpora.ru/sbornik2008/05.pdf>).
- Еськова 2008 — *Еськова Н. А.* Нормы русского литературного языка XVIII—XIX веков. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008.
- Зализняк 1985 — *Зализняк А. А.* От праславянской акцентуации к русской. М.: Наука, 1985.
- Зализняк 2008 — *Зализняк А. А.* Древнерусские энклитики. М.: ЯСК, 2008.
- Корчагин 2008 — *Корчагин К. М.* Поэтический подкорпус Национального корпуса русского языка как акцентологический источник // Материалы международной конференции «Диалог 2008» (<http://www.dialog-21.ru/dialog2008/materials/pdf/Korchagin.pdf>).
- Пильщиков, Старостин 2009 — *Пильщиков И. А., Старостин А. С.* Основные проблемы автоматизации базовых процедур ритмико-синтаксического анализа силлабо-тонических текстов // Национальный корпус русского языка. 2006—2008. СПб., Нестор-История, 2009. С. 298—316.
- Сичинава 2010 — *Сичинава Д. В.* На пересечении типов информации: поэтический подкорпус Национального корпуса русского языка // *Віршознавчі студії: Збірник наукових праць конференції «Українське віршознавство ХХ — початку ХХІ століть. Здобутки і перспективи розвитку»*. К.: КНУ, 2010. С. 157—167. (<http://www.philolog.univ.kiev.ua/php/3/13/virsh2009.pdf>)
- Сичинава 2012 — *Сичинава Д. В.* Частицы *было* и *бывало* в русском языке XVIII века // *Русский язык в научном освещении*. № 2. 2012.